

Я. Валге

Содействовала ли Москва государственному перевороту в Эстонии 1934 г.?¹

Одним из важнейших поворотных пунктов в истории Эстонской республики между двумя мировыми войнами является утрата демократии в результате государственного переворота, совершенного Константином Пятсом и Йоганом Лайдонером 12 марта 1934 г. Речь идет об одном из звеньев в процессе разрушения демократии, охватившего всю межвоенную Европу. Конечно, как в Эстонии, так и в других европейских государствах это происходило далеко не по одной причине, но речь идет о накоплении целого ряда неблагоприятных факторов.

В данной статье рассматривается вопрос о роли Советского Союза в событиях в Эстонии. Однако прежде следует остановиться на характеристике общего политического фона, а также дискуссионных историографических аспектах проблемы. Затем будут рассмотрены действия Москвы в сложившейся в 1933–начале 1934 г. политической ситуации, предвещавшей переворот в Эстонии, и, наконец, проанализировано влияние Москвы на внутривнутриполитические процессы Эстонии.

Яак Валге,

*Ph. D. философии,
доцент, Институт
Истории
и Археологии
Тартуского
университета;
ведущий научный
сотрудник,
Демографический
Институт
Таллиннского
университета
(Эстония)*

1. Политический фон

Порожденные Великой депрессией социально-экономические и политические проблемы дали о себе знать в Эстонии уже в начале 1930 г., но значительно обострились осенью 1931 г., и особенно болезненными стали в 1932 г.

Вызванный острейшим экономическим кризисом пик политического напряжения в Эстонии проявился в выдвижении в повестку дня вопроса об изменении конституции. До сих пор по Конституции 1920 г. действовала парламентская система, не предусматривавшая института президента. Функции президен-

та оказались распределенными между главой правительства и председателем парламента. Правительство назначало и распускало парламент. Исполнительная власть была слабой и нестабильной, спектр политической жизни дробился на множество мелких партий, а парламент, точнее, лидеры партий, наслаждались полнотой власти. Тем не менее, в предкризисное время эта система работала.

Во время великой экономической депрессии все стало меняться. С 1921 по 1932 г. средний срок правления отдельных кабинетов в Эстонии был относительно коротким — в среднем 11 месяцев. К концу 1931-го и началу следующего года произошло слияние партий: были образованы Национальная центристская партия и Объединенная партия сельских хозяев. В мае 1932 г. состоялись выборы в парламент, на которых эти две партии и Эстонская социалистическая рабочая партия вместе получили 83 % парламентских мест. Казалось, что объединение партий приведет к стабилизации политической системы. Однако этого не произошло, так как стороны разошлись в вопросе о курсе кроны. В итоге в 1932–1933 гг. правительства существовали в среднем только по пять месяцев, а недавно созданные партии вновь распались. В широких слоях населения стала осознаваться потребность в проведении кардинальной реформы политической системы. На этом фоне неудивительно, что созданный в 1929 г. ветеранами Освободительной войны за самостоятельность Эстонии Центральный Союз воинов-освободителей в 1931 г. политизировался, и на следующий год приобрел очень большую популярность как политическая сила. Пропаганда воинов-участников Освободительной войны (эст. *vabadussõjalased*, краткая форма «*вансы*») сосредоточилась на требовании усиления исполнительной власти, что предусматривало изменение конституции.

Идея изменения конституции в сторону укрепления исполнительной власти нашла столь широкую поддержку у населения, что парламент не мог ее игнорировать. В марте 1932 г. Рийгикогу (эстонский парламент) одобрил соответствующий проект, причем против него выступили только социалисты. На прошедшем в августе народном референдуме проект, однако, провалился, хотя и с незначительным перевесом.

Отношения вапсов с парламентскими партиями, особенно с социалистами, начали обостряться с конца 1931 г. Социалисты обвиняли воинов-освободителей в антидемократизме. Все же противостояние не перешло в насилие.

В июне 1933 г. парламент представил на народный референдум новый проект конституции. В нем, по сравнению с прежним, полномочия парламента вновь усиливались. Этот проект провалился с разгромным результатом: «за» отдали голос 162 тыс. человек, а «против» проголосовало 333 тыс. Исход референдума повлек дискуссии в парламенте о применении на практике статьи конституции, согласно которой получивший от народа вотум недоверия парламент должен был быть распущен. Предложение не нашло поддержки парламентского большинства. Нет причины полагать, что такое решение могло бы поднять репутацию парламента и партий.

Кроме того, авторитет правительства и партий значительно упал из-за нескольких разразившихся коррупционных скандалов. Политическое напряжение росло с необычайной быстротой и вскоре достигло критического уровня. 11 августа 1933 г. правительство Яна Тыниссона ввело военное положение в государстве, были запрещены деятельность воинов-освободителей и политические собрания, введена предварительная цензура и повсеместно запрещены полувоенизированные отряды. Последних было пять, из них три были образованы социалистами. Деятельность партий не была запрещена и граждан не арестовывали, но все вышеуказанные неубедительно аргументированные акции правительства только усугубили противостояние политической элиты и населения, и способствовали усилению симпатий народа к Союзу воинов-участников Освободительной войны, по существу, не мешая его деятельности.

Уже к 1932 г. воины-участники Освободительной войны представили свой проект изменения конституции и, несмотря на то, что теперь их деятельность была под запретом, его разработка в Рийгигогу продолжалась. Проект предусматривал усиление исполнительной власти, позволяя главе государства решать многие вопросы в обход парламента, но все же оставлял возможности и для продолжения парламентаризма.

Андрес Ларка в 1929 г.

На состоявшемся в октябре 1933 г. народном референдуме проект воинов-участников Освободительной войны получил сильную поддержку: «за» проголосовало 417 тыс. и «против» — 157 тыс. граждан. При обнародовании результатов голосования спонтанно возникли демонстрации, для подавления которых правительство не использовало силу как было бы должно; это показало, что военное положение фактически не действует. Кабинет Тыниссона объявил об окончании военного положения теперь уже формально, после этого представив прошение об отставке. 21 октября 1933 г. главой государства становился Константин Пятс, новое правительство должно было привести Эстонскую Республику к новым выборам.

Выборы нового главы государства и Рийгигогу должны были состояться соответственно в апреле и мае 1934 г., при этом поддержка в обществе давала вапсам вполне реальный шанс добиться хороших результатов. В случае если в ходе первого тура голосования на ме-

сто главы государства ни один кандидат не набирал абсолютное большинство голосов, в последующие три месяца должен был пройти второй тур.

Больше всех популярность вапсов в Эстонии насторожил социалистов. Их руководители уже в конце 1933 г. договорились с Пятсом, заявив, что верят данному им обещанию «показать вапсам их верное место». Лидеры социалистов считали приход к власти Пятса, пусть даже и нелегальным способом, «в тысячу раз лучшим», чем допущение к власти «освободителей» по результатам выборов².

В октябре 1933 г. Союз воинов-участников Освободительной войны начал переговоры о выдвижении кандидатуры на пост главы государства. В том числе велись переговоры и с Пятсом, однако они в первой половине ноября зашли в тупик. Затем более месяца велись переговоры с Лайдонером³. В конце концов, 16 декабря руководство воинов-освободителей приняло решение в пользу своего лидера Андреса Ларки. Кроме Пятса, Лайдонера и Ларки, свою кандидатуру на пост главы государства выставил руководитель социалистов Август Рей.

Для выдвижения на пост главы государства необходимо было собрать 10 тыс. подписей в поддержку кандидата. 5 марта начался сбор подписей, превратившийся в важную часть выборной кампании, по существу — в «предварительные выборы», причем к 12 марта десяти тысячный рубеж преодолели кандидат от воинов-освободителей А. Ларка (52 436 подписей) и Й. Лайдонер (18 220 подписей). К. Пятс набрал чуть ниже нужного предела (8969 подписей), кандидат от социалистов А. Рей собрал только 2786 подписей⁴. И Пятс, и Лайдонер могли предвидеть, что при таком раскладе Ларка может выиграть уже в первом туре выборов, набрав абсолютное большинство голосов, так что второго тура, на котором один из них отдал бы свои голоса в пользу другого, вообще могло и не быть.

В 2 часа дня 12 марта воспитанники двух рот высшего Военного офицерского училища получили от путчистов⁵ приказ о полной боевой готовности к проведению экстренной операции. Учащиеся училища и полицейские взяли под контроль центр города, окружили резиденции Союза воинов-освободителей и арестовали их руководителей. На начавшемся в половине шестого совещании правительства было решено ввести военное положение во всем государстве сроком на 6 месяцев, верховным главнокомандующим сил обороны был назначен

Август Рей в 1919 г.

Генерал армии Йохан Лайдонер в эстонском посольстве в Лондоне в 1937 г.

Й. Лайдонер⁶. Запрещались демонстрации, организации Союза воинов-освободителей были закрыты, сотни активистов и руководителей движения арестованы, а на их имущество наложен арест. Немедленно подверглись запрету десять периодических изданий и отобраны разрешения на выход у трех газет⁷.

15 марта Пятс проинформировал о своих шагах парламент, заявляя, что, разумеется, высшая власть в государстве — народ, но он должен реализовывать это свое право с полным пониманием, трезво взвешивая все последствия, «нельзя требовать, чтобы человек в горячке принимал здравые решения»⁸. Своим декретом от 19 марта Пятс установил, что выборы главы государства и Рийгикогу переносятся на конец военного положения. Это был государственный переворот, так как в мирное время назначение главнокомандующего, то есть назначение Лайдонера, не могло осуществиться по § 80 Конституции. Не

был легитимным и изданный Пятсом декрет от 19 марта, переносящий сроки выборов, потому что § 60 Конституции гласил прямо, что закон о выборах нельзя изменить декретом⁹.

После переворота Пятс и Лайдонер в своих речах обосновывали свои действия стремлением предупредить захват власти Союзом воинов-освободителей. Нет сомнения, что в действительности это не являлось причиной. Пятсу нужен был повод. Дополнительным аргументом путчистов было возможное вмешательство со стороны Советского Союза. На это Пятс намекал в своей речи в эстонском парламенте 15 марта, замечая, что при таком продолжении ведения дел государственность Эстонии может оказаться под вопросом. Лайдонер в своем выступлении перед вооруженными силами выразился еще яснее, говоря, что откладывание этих шагов в дальнейшем было бы опасно для самостоятельности Эстонии, и не только во внутривнутриполитическом смысле, — больше всего надо бояться, что опасность может прийти извне. Ни Пятс, ни Лайдонер не называли Советский Союз открыто, но ни для современников, ни для историков не было секретом, кто имеется в виду¹⁰.

2. Постановка проблемы и обзор литературы

Согласно некоторым работам, тесные отношения Константина Пятса с советским полпредством в Таллине во второй половине 1920-х–начале 1930-х гг. являют собой предысторию государственного переворота 1934 года. Этим отношениям посвящены специальные работы, однако их более глубокий анализ показывает, что Пятс действительно поддерживал контакты с полпредством Советского Союза, но при этом соблюдал дистанцию и не поддавался на его политическое влияние¹¹.

Утверждение, что якобы существовала какая-то угроза Эстонии со стороны СССР, если бы переворот не произошел, путчисты использовали в своих выступлениях только непосредственно после переворота. После путча это «забылось». Рейн Маранди, исследовавший движение воинов-участников Освободительной войны, все же сторонник того мнения, что в случае прихода к власти «освободителей» со стороны Советского Союза действительно могла бы последовать резкая реакция, в том числе по дипломатическим каналам, и иные дефензивно-демонстративные акты, но не более того¹².

На документальном уровне ситуацию о влиянии Советского Союза анализировали Александр Рупасов и Олег Кен, Зенонас Буткус и Магнус Ильмъярв. Все они исследования базировались на материалах Архива внешней политики Российской Федерации, но выводы у них неожиданно разные.

Олег Кен и Александр Рупасов анализируют политику СССР в странах Балтии в межвоенный период в своей статье, а также в объемной монографии¹³. Они показывают, как в это время формировалась новая политика в отношении стран Балтии, сводящаяся к попыткам сближения с ними. Необходимость в новой политике вытекала, прежде всего, из учета общеевропейских процессов. Перед Москвой открылось «окно возможностей», и она стремилась быстро этим воспользоваться. По оценке Кена и Рупасова, внутривнутриполитические процессы, происходившие в странах Балтии, тормозили сближение СССР и стран Балтии, но и не вызывали в Москве какой-то большой тревоги. Авторы утверждают, что к долго подготавливаемому государственному перевороту в Эстонии, который осуществил Пятс 12 марта, в Советском Союзе относились почти что с сочувствием, тем более что Пятс еще ранее «зондировал почву» об отношении Москвы к такому способу развития событий. В целом Кен и Рупасов находят, что иерархия целей и задач Советского Союза, так же как и адекватная оценка возможностей и средств их осуществления, не совпадают¹⁴. Таким образом, авторы не придают значения поддержке Москвы государственного переворота в Эстонии, и не считают балтийскую политику СССР удавшейся.

Зенонас Буткус в своей статье о политике СССР в республиках Балтии оценивает не только активность, но и результаты этой политики¹⁵. Согласно ему, Советский Союз естественно хотел, чтобы президенские выборы были выиграны Пятсом. В связи с этим началась

лихорадочная деятельность в поддержку последнего, нацеленная на провал его конкурентов. Для достижения этой цели Советский Союз назначил в Эстонию нового полпреда, влиятельного дипломата Алексея Устинова, прибывшего в Таллин с особым планом широкой поддержки К. Пятса, согласно которому в первом квартале 1934 г. Эстонии давались новые дополнительные заказы, главным образом связанные с реализацией ее сельскохозяйственной продукции в СССР. Затем в российских архивах быстро нашлись документы, которые свидетельствовали об активной деятельности Пятса в процессе достижения Эстонией независимости. Согласно Буткусу, советские дипломаты подозревали, что движение участников Освободительной войны финансировала Германия, и поэтому они поддержали решение Пятса организовать государственный переворот и ограничить вапсов. Одобрив путч, Советы долго сомневались в необходимости вытаскивать на свет Лайдонера. Пятс должен был долго разъяснять, что он не может одновременно устранить и Ларку, и Лайдонера, что из двух зол надо выбирать меньшее. Большевики пошли на это против своей воли, сжав зубы. Итак, по утверждению Буткуса, акции Советов в Эстонии помогли Пятсу выйти на первый план, оказаться в числе победителей и надолго закрепиться у власти, что можно расценивать как блистательную дипломатическую и разведывательную операцию СССР в странах Балтии¹⁶. Однако Буткус не ссылается на документы, которые содержали бы информацию по вопросу о переговорах Пятса по поводу переворота с советскими дипломатами.

В изложении Ильмъярва наиболее важны следующие исходные пункты. Уже в августе 1933 г. на состоявшемся совещании Наркомата по иностранным делам СССР (далее — НКИД) было решено, что советские представители в Таллине должны больше вникать во внутренние вопросы политики Эстонии, чтобы предупредить нежелательное для Советского Союза развитие внешнеполитических событий. В этом плане выборы президента были для Москвы весьма существенным моментом. Было понятно, что их исход на долгое время закрепит внешнеполитическую ориентацию Эстонии, поэтому считалось, что «следует любой ценой поддерживать Пятса» и компрометировать противостоящих ему кандидатов. По решению Политбюро в Таллин новым полпредом аккредитуется Алексей Устинов, получивший перед своим отъездом инструкции НКИД, в которых говорилось о бывших контактах Пятса с полпредством СССР и в дальнейшем рекомендовалось его поддерживать. На просьбу Пятса разместить в Эстонии заказы было отреагировано позитивно, с Народным комиссариатом внешней торговли был согласован дополнительный заказ, одобренный Политбюро. Вдобавок к этому НКИД СССР поддержал Пятса в поиске документов в советских архивах, которые свидетельствовали об его революционной деятельности. В то же время в Москве не доверяли движению воинов-освободителей. «Соответственно советская правящая верхушка одобрила намерение Пятса осуществить государственный переворот с целью захвата власти в Эстонии. Однако положительное отношение Советов в отношении запланированного путча было поставлено в зависимость от требования исключить Лайдонера из участия

в путче, а затем и из правящей клики. В тот момент Пятс признал, что он не может выполнить запланированный переворот в одиночку без помощи либо Ларки, либо Лайдонера. В результате он проинформировал советское полпредство, что ему необходимо сделать выбор между двумя нежелательными лицами. Он выбрал Лайдонера, и Москва, нехотя, согласилась с этим решением¹⁷. Таким образом, Ильмъярв сходится с Буткусом, что Пятс информировал Москву о своих планах и убедил Москву в необходимости фигуры Лайдонера, а Москва давала советы и одобряла планы Пятса произвести государственный переворот. Но, в отличие от Буткуса, Ильмъярв все же дает ссылки на документ, якобы подтверждающий эти сведения.

Однако в 2010 г. в переизданной монографии Ильмъярв не ссылается на такой документ и напрямую не утверждает, что Пятс согласовывал государственный переворот с Москвой. Он цитирует Буткуса, где последний утверждает, что Москва одобрила государственный переворот и поддерживала это на практике, и заставляла Пятса долго доказывать, что ему невозможно сразу избавиться и от А. Ларки, и от Й. Лайдонера, что надо выбирать одно из двух зол. В остальном его позиции остались теми же. Ильмъярв продолжает утверждать, что в НКВД считали целесообразным поддерживать Пятса при всех обстоятельствах, и стараться компрометировать его соперников. Из действий Москвы в поддержку Пятса Ильмъярв подчеркивает факт наличия документов из Москвы, в которых содержатся сведения о национально-революционной деятельности Пятса, экономических заказах Советского Союза из Эстонии и действиях Коминтерна. Ильмъярв находит, что из переписки НКВД с Таллинским представительством и из документов Коминтерна в 1933-м и в начале 1934 г. очевидно усиленное желание влиять на внутреннюю политику Эстонии и направлять ее в нужную Советскому Союзу сторону. Ильмъярв считает это обстоятельство абсолютно беспрецедентным¹⁸.

Ниже мы попытаемся вновь критически рассмотреть и осмыслить обозначенный круг проблем. Базой для этого послужили, прежде всего, материалы из Архива внешней политики Российской Федерации, а также документы советской внешней разведки в Филиале государственного архива Эстонии¹⁹. Мы углубимся в следующие вопросы: насколько всеобъемлющим было вмешательство СССР во внутреннюю политику Эстонии, в какой форме это обнаруживалось и каким образом влияло на потерю демократии Эстонией? Согласовывали ли путчисты свои действия с Москвой? Как велика и насколько результативна была поддержка Советов? Действительно ли Эстонии с населением в 160 раз меньшим, чем население Советского Союза, грозила опасность со стороны восточного соседа в случае, если бы переворот не осуществился, то есть к власти бы пришел Эстонский союз воинов-освободителей? Насколько вообще была важна для Советского Союза внутренняя политика Эстонии? Изучение круга вопросов, связанных с этими проблемами, поможет, помимо прочего, прояснить цели, методы и эффективность политики Советского Союза в отношении западных приграничных государств.

3. Москва и выборы главы государства Эстонии

Эстония рассматривала Советский Союз наряду с Германией, и даже, быть может, в большей мере, как серьезную угрозу своей безопасности. Это общее мнение усилилось после попытки коммунистического путча 1 декабря 1924 г. После него влияние коммунистов в эстонском обществе резко упало, но постоянные нападки и угрозы прессы СССР не давали забыть об опасности с Востока.

Советские дипломатические материалы оставляют все же гораздо менее агрессивное впечатление. Но правда то, что в начале 1930-х гг. Москва с тревогой смотрела на набирающую популярность в Эстонии вапсов. Приход к власти Союза воинов-освободителей считался нежелательным, прежде всего, по внешнеполитическим соображениям, или, как выразился курирующий государства Балтии член коллегии НКВД Борис Стомоняков: «...успех фашистов в Эстонии, несомненно, дал бы сильный толчок фашизации в Латвии и Финляндии». Одновременно в НКВД ощущалась нехватка информации. В этом же письме Б. Стомоняков недовольно замечал, что работники полпредства ограничиваются только встречами и беседами с «...некоторыми маловлиятельными социалистами»²⁰. Так, ответственный референт I Западного отдела НКВД Григорий Бежанов в своей написанной до выборов инструкции, отмечая недостаток данных, указывал: «Интересно было бы получать более серьезную информацию у видных буржуазных деятелей Пятса, Пунга, Теманта и др. Полпредство ничего не сделало также в отношении завязывания связей с правыми кругами и “ветеранами” в том числе»²¹. Еще осенью 1933 г. в Москве не было точно известно об ориентациях Пятса. Стомоняков констатировал, что с Пятсом нет тесных связей и запрашивал у поверенного в делах, первого секретаря полпредства Антипова, не сторонник ли Пятс ориентации на Германию²².

К январю 1934 г. НКВД стало ясно, что из всех кандидатов на пост главы государства наиболее приемлем Пятс²³. Вероятно, шансы Августа Рея уже не считались сколько-нибудь высокими²⁴. Это означало, что следовало сделать выбор из троих претендентов — Лайдонера, Ларки и Пятса. Последний был для Москвы не очень хорошим кандидатом, скорее, наименее плохим. 25 января Стомоняков писал Антипову: «...избрание Пятса, несмотря на его стремления добиться легальными методами частичной фашизации Эстонии, является для нас все же меньшим злом»²⁵. Эта поддержка была далеко не абсолютной, так как Советам, не знавшим точно о положении в Эстонии, виделись еще возможности для многих других политических комбинаций. В конце января секретарь полпредства Антипов докладывал Стомонякову о возможности коалиции между социалистами, аграриями и вапсами при выдвижении Пятса на пост президента²⁶. На самом деле такая коалиция была совершенно неосуществима, что указывает на неосведомленность полпредства в этом вопросе. 20 февраля новый полпред Алексей Устинов сообщал в Москву, что из всех кандидатов наиболее понятная позиция и ориентация у Лайдонера. Далее он резюмировал: «О том, чем станут

в процессе выборов, какие позиции займут два других кандидата, никто говорить определенно не решается ввиду их большей или меньшей беспринципности»²⁷.

На основании состоявшейся 27 января беседы министра иностранных дел Юлиуса Сельямаа и Антипова к середине февраля в НКИД пришли к выводу, что Пятс ищет поддержку в Москве²⁸. В этой беседе Сельямаа поведал Антипову, что Пятс был бы лучшим вариантом для Советского Союза и намекнул, что и Советы могли бы что-либо сделать в поддержку Пятса. Сельямаа высказал это как свое собственное мнение, «и дал мне определенно понять, что если Пятс будет президентом, он, Сельямаа, останется на месте министра иностранных дел». Хотя Антипов был убежден, что инициатива поиска поддержки исходит не только от Сельямаа, но и от Пятса²⁹. Бежанов запросил полпредство: что сделано по этому поводу³⁰? 16 февраля Стомоняков осведомился у нового, только что прибывшего в Таллин полпреда Алексея Устинова, удалось ли активизировать политику в Эстонии³¹. Кажется, под этим Стомоняков подразумевал то, как продвигается выполнение постановления Политбюро от 17 января «О Прибалтике». Политика активизации, принятая в рамках этого постановления, была направлена на сближение СССР с республиками Балтии, при этом целый ряд мер, предусмотренных для всех

Президент Константин Пятс в его рабочей комнате в 1938 г.

четырёх стран Балтийского бассейна (Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы) совпадал, а в некоторых случаях различался. Больше внимания уделялось сотрудничеству с Финляндией и Латвией, чем с Эстонией и Литвой. В отношении Эстонии планировалось предоставить в первом квартале экономические заказы на сумму 200 тыс. руб. (сумма была одинакова для всех четырёх стран), далее предусматривалась организация поездок в Советский Союз политических и общественных деятелей, экскурсий эстонских журналистов в СССР, а также книжной выставки и выставки советской графики в Эстонии³². Естественно, что выполнение этой программы продолжалась и после государственного переворота³³.

Таким образом, ниоткуда не следует, что полпред Устинов был назначен в Эстонию с целью оказать всемерную поддержку Пятсу или чтобы Советы активно действовали в его пользу. На самом деле было заметно лишь то, что склонялись к поддержке Пятса, но эта поддержка была пассивной и в пределах возможного. Об этом Стомоняков писал Антипову: «...мы заинтересованы поэтому в победе Пятса на выборах и по мере возможности должны оказать ему содействие»³⁴. О пассивности Москвы свидетельствует и тот факт, что бывший полпред Федор Раскольников покинул Эстонию уже в августе 1933 г., а новый полпред Алексей Устинов прибыл сюда только в феврале следующего 1934 г.

Правда, предпринимались кое-какие более конкретные попытки. По рекомендации НКВД дел для Пятса были фотокопированы документы из Архива революции. Эти документы были заказаны по просьбе Пятса через эстонскую миссию в Москве, и в действительности содействие НКВД лишь ускорило процесс их получения. По выражению Стомонякова, речь шла о копиях документов, «свидетельствующих о роли Пятса в эстонском национально-революционном движении». По мнению Стомонякова, их публикация вместе с другими предполагаемыми документами, которые свидетельствовали о неопределённой национальной позиции Лайдонера в 1919 г., могла оказать существенную помощь Пятсу на выборах³⁵. И Буткус, и Ильмярв, похоже, думают, что речь идет о достойной обсуждения поддержке Пятса.

Однако едва ли московские документы могли бы как-то повлиять на результаты голосования. Неизвестно, чтобы хотя бы в одной эстонской газете было упомянуто об обнаружении неких новых данных о противоправительственной деятельности Пятса в царской России. Вряд ли антицаристскую деятельность Пятса нужно было начинать подтверждать какими-то новыми свидетельствами. Отметим, что из этих документов — два (решение суда от 4 февраля 1910 г., а также письмо эстляндского губернатора И. В. Коростовца министру внутренних дел от 12 октября 1910 г.) были опубликованы в книге, посвященной 60-летию К. Пятса, с пометой: «Опубликованные здесь документы получены из государственного центрального архива России»³⁶.

Гораздо серьезнее на сбор голосов могло бы повлиять размещение экономических заказов в Эстонии накануне голосования. Хотя к 1934 г. экономический кризис в Эстонии миновал свое дно, положение оставалось по-прежнему тяжелым, потому что цены на продукты

были заметно ниже, чем в предкризисные годы. К этому времени сложилась ситуация, когда советский экспорт в Эстонию осуществлялся на основе отдельных долгосрочных договоров, а эстонский экспорт в СССР был очень незначителен и случаен. Если бы Пятсу удалось заключить долговременный и масштабный договор на поставки в Советский Союз, это улучшило бы экономическое положение, дав прибыли эстонским предпринимателям, и одновременно дополнительные плюсы Пятсу на выборах. Но, подчеркнем, только в том случае, если бы заказы оказались весьма значительными и были бы заключены своевременно.

В Москве, конечно, знали свои средства влияния, но, как правило, переоценивали свои возможности. Стомоняков писал Антипову, что принятое в центре решение дать в первом квартале довольно большой заказ на сельскохозяйственную продукцию может оказать большую помощь Пятсу, и это следует использовать с целью укрепления своего влияния на Эстонию³⁷. Как было упомянуто выше, постановление Политбюро от 17 января было нацелено на активизацию связей со всеми странами Балтии. В рамках данного постановления в первом квартале предусматривались заказы Финляндии, Эстонии, Латвии и Литве в объеме 200 тыс. руб. каждой. 5 февраля Политбюро уточнило свое прежнее постановление в части «Об импорте из Эстонии», в которой названные 200 тыс. руб. разделили на конкретные товарные статьи — картофеля следовало купить на 35 тыс., скотины — на 95 тыс., свинины — на 30 тыс. и т. д.³⁸

Уже в конце 1933 г. в прессу стала просачиваться информация, что из России ждут больших заказов на поставки. Министр экономики Карл Сельтер это подтверждал. Заказ заказом, но и к середине февраля дело не сдвинулось с мертвой точки, так что даже разделявшая правительственную позицию газета изменила свой тон и иронически замечала: «Итак, наши земледельцы должны кормить себя газетными обещаниями и в конце концов готовиться нести большие потери, как это у нас уже не раз бывало»³⁹.

В самом деле, советская бюрократия даже на такой, в общем, довольно ограниченный объем импорта, предусмотренный Политбюро, не могла отреагировать достаточно оперативно, несмотря на постоянные попытки полпредства ускорить процесс. Еще 20 февраля договоры о поставках картофеля и свинины не сдвинулись с места. Устинов констатировал: «...это создает очень плохое впечатление в правительственных и промышленных кругах (Эстонии. — Я. В.), причем затрагивается и авторитет торгового представительства». Полпред извещал: чтобы дело больше не затягивать, ответственность за заключение договора поставок на картофель возьмет на себя торговый представитель В.И. Парушин. Сделка с продажей скота была в безнадежном состоянии, и Устинов писал по этому поводу: «Что же касается закупок скота, то, не зная, какая спецификация нужна земельным нашим органам, и не имея кондиции, на каких следует покупать, он (Парушин. — Я. В.) бессилён что-либо сделать, — несмотря на письма, телеграммы и телефонные разговоры с Москвой»⁴⁰.

8 марта, когда кампания по сбору подписей была в полном разгаре, Устинов отмечал, что внешнеторговый баланс был в пользу Советского Союза в первые месяцы 1934 г., но фрахтование судов или туризм не позволяли сделать ответные шаги эстонцам⁴¹. Первый состав с картофелем был отправлен в СССР только 15 марта⁴².

Таким образом, утверждение, что будто бы Москва помогла Пятсу экономическими мерами, не выдерживает критики, по крайней мере, по трем причинам.

Во-первых, сам заказ не был достаточно крупным, так как уже решением Политбюро он был ограничен суммой в 200 тыс. руб. в квартал или 800 тыс. руб. в год, а этого для оказания поддержке экономике Эстонии было явно мало, и не сказывалось на положении в целом. Даже если бы закупки осуществились в полном объеме на 800 000 рублей, это не превысило бы 3 % экспорта Эстонии 1934 г. В первом квартале 1934 г. экспорт в СССР был произведен чуть более чем на 100 тыс. эстонских крон, что равнялось примерно 1 %. Для примера укажем, что этот показатель в восемь раз меньше, чем показатель по общему вывозу продукции из Эстонии в Латвию⁴³. Правда, позже экспорт в СССР несколько увеличился, и в течение года сумма эстонского экспорта достигла 1,7 млн крон. Но все равно это было в 17 раз меньше, чем вывоз в Англию за тот же период, в девять раз меньше, чем в Германию, и наполовину меньше, чем в Латвию. В целом экспорт эстонской продукции в СССР за 1934 год составил около 2,5 % от общего объема. К тому же торговый баланс Эстонии с Советским Союзом все еще оставался пассивным, хотя эти ножницы были не столь велики, как в 1933 г. На укрепление репутации Пятса гораздо большее влияние оказали другие февральские переговоры 1934 г. — об условиях продажи в разы больших по объему поставок продуктов эстонского сельского хозяйства, а именно — бекона в Англию и спирта в Финляндию.

Во-вторых, советские заказы не были своевременными. Большая часть их, как мы видели, была размещена уже после государственного переворота.

В-третьих, СССР не предлагал долгосрочных договоров, как о том годами ходатайствовала Эстония. При таком положении дел Пятс никоим образом не мог экспонировать себя как политик, осуществивший прорыв в восточных связях.

Итак, у советского полпредства в Таллине и у Стомонакова в Москве было искреннее желание «по мере возможности» помочь Пятсу успешно провести выборную кампанию, но нет причин полагать, что все их усилия намного превысили нулевой результат. Пишущий эти строки вовсе не хочет с уверенностью утверждать, что в Эстонии не было ни одного человека, превратившегося в приверженца Пятса именно из-за полученных из СССР копий документов или картофельного заказа — логика человека, как известно, непредсказуема. Если в это кто-то верил, то их было немного. Для самого Пятса все эти факты не были чем-либо значительным, он даже ни разу не попытался упомянуть о полученных копиях документов или о картофельном заказе в положительном для себя свете. Возможное получение российских заказов в газетах комментировал не сам Пятс, а министр экономики Карл Сельтер⁴⁴.

Но надо помнить, что даже эти рассмотренные выше ограниченные шаги, которые так увлеченно описывают Ильмяярв и Буткус, были направлены на поддержку Пятса в случае проведения законных выборов.

4. Москва и государственный переворот 12 марта

Наконец, переходим к основному вопросу, заявленному в начале статьи, — поддерживал ли Советский Союз и, если поддерживал, то насколько результативно, государственный переворот в Эстонии?

В данном случае особый интерес представляет ответ на вопрос, когда узнали, и знали ли вообще в советском полпредстве в Таллине и в самом НКВД о готовящемся путче.

В своем докладе от 20 февраля Стомонякову Устинов констатировал, что все прогнозы, которые можно услышать от эстонцев и в дипломатическом корпусе, сводятся к тому, что в первом туре голосования в апреле ни один из трех кандидатов (Пятс, Лайдонер, Ларка) не получит абсолютного большинства голосов. Устинов полагал, что личность президента определится только во втором туре голосования в июле, и подчеркивал, что Москве очень важно учитывать это обстоятельство⁴⁵. В докладе от 7 марта Устинов, развивая мысль относительно планов приглашения эстонских журналистов в СССР, замечал, что в случае возможного прихода к власти «ветеранов» эта поездка может и вовсе не состояться⁴⁶. О возможности государственного переворота в обоих докладах нет и намека.

Первым по дате документом, в котором говорится о возможности путча Пятса, является докладная записка от 8 марта. Только теперь в полпредство стала просачиваться кое-какая информация, причем именно просачиваться. У Антипова в эти дни состоялась встреча с редактором социалистической газеты “Rahva Sõna” («Слово народа») Эрихом Ионасом, который констатировал возникшую в последнее время серьезную опасность роста «фашизма» в Эстонии. Антипов пишет: «На мой вопрос, победят ли “освободители”, Ионас неопределенно ответил, указав, что противная сторона, т. е. Пятс, собирается “ветеранам” нанести решительный удар. Пятс действует тактично. Сейчас производятся перемещения работников в армии, в полиции, в государственном аппарате, где наиболее активных ветеранов, занимающихся демогией, снимают и вместо них ставят сторонников демократии. <...> Одновременно с этим, вчера правительство приняло закон о материальном улучшении младшего, среднего и старшего командного состава. <...> По сведениям И[онаса], это только начало и Пятс должен перейти в наступление»⁴⁷.

К этой информации добавились туманные слухи, дошедшие до полпредства по другим каналам. Тогда же, 8 марта, Устинов послал донесение в НКВД под номером У/2. Речь идет об обширных аналитических докладах с номерным знаком “У”, который Устинов посылал

в НКВД примерно через каждые две недели. Устинов писал об успехе Союза воинов участников Освободительной войны, упомянув, между прочим, что Ларку в вапсовской прессе приветствовали даже представители еврейских промышленников, и что высшие чиновники уже начинают наводить мосты с «ветеранами». При этом он добавлял, что все это нельзя уж слишком переоценивать, потому что крестьяне не сказали еще своего слова. «О том, как будет реагировать деревня, мы узнаем по-настоящему только 11-го, 18-го, и 25-го марта» (речь шла о выходных днях, когда наиболее активно собирались подписи в пользу кандидатов. — Я. В.). Далее Устинов продолжал: «Мало того, правительство Пятса тоже не бездействует. Принят недавно закон о запрещении военным участвовать в партийной жизни. Вслед за этим на днях последовало уже смещение ряда наиболее фашистски настроенных командиров. Германский посланник Рейнебек, не без некоторой доли горечи сообщал мне, что “хитрый Пятс готовит кое-какие сюрпризы Ларке”. <...> Не исключена, конечно, возможность, насильственного захвата власти ветеранами, о чем был уже разговор в парламенте. Возможности для этого у ветеранов имеются. Но готовится к этой возможности и противная сторона»⁴⁸.

После путча, 25 марта 1934 г. референт I западного отдела НКВД Ефим Кониц в своем письме в полпредство в Таллин развил мысль, что вряд ли Пятс рискнул бы таким бесцеремонным способом «ликвидировать ветеранов», если бы у него за спиной не было поддержки Англии. Он подчеркивал, что за счет участия Лайдонера Англия укрепляла свои позиции в Балтии, особенно в Эстонии, и с точки зрения СССР разгром «ветеранов» был положительным фактом. Но, с другой стороны, он замечал, что, может быть, усиление влияния Лайдонера могло принести ему победу на выборах. То же писал Устинову и Стомоняков⁴⁹. Это означало, что в Москве считали: выборы еще будут, то есть не знали о плане Пятса вообще отставить выборы.

28 марта Устинов послал Стомонякову свой первый послепутчевый доклад с номером У/3, вторая часть которого была полностью посвящена внутренней политике Эстонии и раскрывала подоплеку переворота на столько, насколько на тот момент было известно в полпредстве. Вначале Устинов отмечал: «Обо всем, что связано с событиями 12–13 марта и последующих дней (ликвидация ветеранов), Вам это известно из печати. (По-видимому, здесь речь идет о сообщениях таллинского корреспондента ТАСС, которые поступали в НКВД. — Я. В.). Интересно отметить и подчеркнуть лишь несколько моментов, заслуживающих особого внимания. Пятс в разговорах с нами подчеркивал, что решение ликвидировать ветеранов он принял один (“не с кем советоваться”), также изображал он дело в своем выступлении перед парламентом 15/III. Между тем Эйнбунд (пред. парламента и кандидат Пятса в мин. Внутренних Дел, которого Пятс характеризовал нам как человека “одновременно решительного и тактичного”, который сумеет провести “чистку и оздоровление ведомств и ряд необходимых административных мероприятий по укреплению режима, не раздражая

общественного мнения”) и сообщил мне 22/III на обеде у французов, что решали вопрос четверо, из коих двое — Пятс и Лайдонер. На мой вопрос: “Вы, конечно, были третьим?” — Эйнбунд отвечал уклончиво. Но многое говорит за то, что в этой четверке участвовали как Эйнбунд, так и Сельямаа, ставший очень близким Пятсу человеком. Конечно, между заявлениями Пятса и сообщением Эйнбунда может и не быть противоречия: решился на такой исход сначала Пятс, затем решение было вынесено упомянутой выше четверкой, были созданы министры (20-го марта в 5 часов дня) и им было сообщено об этом готовом уже решении, парламенту были пост-фактум сообщены мотивы принятого решения и итоги проделанной операции (15/III). Гораздо интереснее другой вопрос: было ли решение принято Пятсом без постороннего на него влияния или под влиянием генерала Лайдонера, который в таком случае мог проводить английскую линию. Нам твердо известно одно, что незадолго до происшедших 12–13 марта событий, Лайдонер и Пятс договорились о том, что они взаимно уступят друг другу пост президента и соответственно снимут кандидатуру, если только один из них в первом туре получит относительное большинство. Эти шаги казались им необходимыми перед опасностью намечавшейся победы ветеранов. С своей стороны и социалисты готовы были пожертвовать кандидатурой Рея, чтобы обеспечить победу одному из «демократических кандидатов»». Далее Устинов обсуждал различные политические комбинации, считая, что Пятс также соглашается в дальнейшем на выборы лишь в том случае, если бы победа на них была гарантирована⁵⁰. Таким образом, после переворота Пятс говорил работникам полпредства то же самое, что и 15 марта в парламенте. Выводов о каких-либо более доверительных отношениях или о том, что Москве было бы заранее известно что-то конкретное из уст Пятса, из этого сделать нельзя. Наоборот, эти источники показывают ясно, что полпредство не было в курсе планов Пятса.

Из документов советской внешней разведки видно, что уровень ее оперативности и качество информации об Эстонии не были высокими. Во всяком случае, государственный переворот здесь буднично проспали. В секретном докладе Таллинской резентуры от 13 марта все еще пишется о четырех кандидатах на президенстких выборах, государственный переворот ни словом не упоминается, но передаются недостоверные слухи о финансировании движения освободителей и их руководства Германией. Под конец утверждалось, что, по непроверенным данным, Пятс якобы готовит государственный переворот, если президентом выберут Ларку. Если это произойдет, то путч Пятса будет сразу же после выборов, то есть в конце апреля⁵¹. В этот же день в особом сообщении внешней разведки все-таки говорилось, что ночью пришло срочное известие о введении Пятсом по всей стране военного положения, назначении Лайдонера главнокомандующим и об аресте 80 вапсов⁵². В других документах также нет и следа того, что Москва хотя бы была в курсе готовящегося государственного переворота, или, более того, что якобы Пятс убеждал в необходимости задействия Лайдонера, как это утверждает М. Ильмъярв, т.е. фактически участвовала

в подготовке путча. Полпредство СССР в Таллине, НКВД и советская внешняя разведка были в курсе событий ровно настолько, насколько давали этому пищу слухи или выводы из деятельности Пятса. В связи с этим вопросы, поддерживал ли Советский Союз путч и в какой мере, сами собой отпадают. Нельзя поддержать то, о чем не имеешь представления. Отсюда же следует вывод, что в данном случае не может быть и речи о «крупнейших успехах» советской дипломатии и разведки в странах Балтии, как это представляется З. Буткусу.

Как уже говорилось выше, Буткус в своих построениях о согласовании планов Пятса с Москвой не ссылается ни на один документ. Но это делает Ильмъярв, утверждая, что Москва одобряла намерение Пятса совершить государственный переворот и согласилась с его доводами, относительно участия в этом сомнительного Лайдонера⁵³. В книге “*Silent submission*” Ильмъярв оперирует письмом к Стомонякову от 3 марта (в книге к этому присовокупляется еще и ссылка на работу Кена и Рупасова «Москва и страны Балтии», с. 240). Но в указанном месте нет такого письма. В эстонскоязычном варианте книги 2004 г. “*Häälētu alistumine*”, однако, эта дата исправлена на письмо Устинова от 7 марта 1934 г. Это верное исправление. Такое письмо имеется и эта ссылка Ильмъярва правильная (см.: Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 0154–27–38–3. Л. 23). Однако в этом документе не содержится той информации, о которой говорит автор. В нем нет ни слова ни о каких-либо консультациях Советов с Пятсом, либо выборах Лайдонера или Ларки в качестве соратников путча. Кен и Рупасов, на которых ссылается Ильмъярв, на самом деле также не поддерживают подобное утверждение⁵⁴. Как сказано выше, Ильмъярв не ссылается в переизданной в 2010 г. книге на такой документ и прямо не утверждает, что Пятс согласовывал государственный переворот с Москвой. Он цитирует Буткуса, где последний заявляет, что Москва одобрила государственный переворот и поддерживала это на практике. И якобы Пятс должен был долго разъяснять, что он не может одновременно устранить и Ларку, и Лайдонера, что из двух зол надо выбирать меньшее⁵⁵. Но, как сказано выше, при подаче такой информации Буткус не ссылается ни на один источник. Тем более таких источников и не может быть, об этом свидетельствуют все другие источники.

Но в то же время можно согласиться с Кеном и Рупасовым, что Пятс «зондировал почву», как может отнестись Москва к перевороту. Примером «зондирования» можно рассматривать как просьбу Сельямаа поддержать Пятса во время выборов на пост главы государства, так и беседу Эриха Ионаса с Антиповым 8 марта. Оба могли действовать по просьбе Пятса, и подобное «зондирование почвы», естественно, могло вестись еще и другими.

Насколько вообще была важна для Москвы внутривнутриполитическая борьба в Эстонии в 1933–1934 гг.?

У Советского Союза, страны с диктатурой и с огосударственной экономикой, были, конечно, большие возможности концентрировать усилия на своих целях, но ему была свойственна несогласованность действий разных частей управленческого аппарата из-за

соперничества между ними. В последних случаях, или же при очень важных вопросах, вмешивалась верховная власть.

Советский Союз мог влиять на внутреннюю политику Эстонии через свой внешнеполитический аппарат, то есть через НКВД, через экономические рычаги, для чего было нужно содействие Народного комиссариата внешней торговли, и через Эстляндскую Коммунистическую Партию, для задействия которой было нужно одобрение Коминтерна. Кроме того, Советский Союз мог использовать свой аппарат внешней разведки для проведения спецакции. Можно сказать что этими усилиями в Эстонском направлении Москва пользовалась дважды: при подготовке неудачного переворота 1 декабря 1924 г. и при подготовке переворота 1940 г.

В этих случаях происходило поистине беспрецедентное силовое вмешательство во внутренние дела Эстонии. В 1933–1934 гг. ничего такого не было. Заметен только некоторый подъем активности НКВД с февраля 1934 г., когда внутривнутриполитические вопросы Эстонии вышли на первые места в докладах советских дипломатов, чтобы к апрелю снова упасть на уровень малозначимых новостей. Произошедшие ограниченные акции были начаты НКВД. Коминтерн и внешняя разведка Советского Союза по известным данным к этому дела не имели. Народный комиссариат внешней торговли включился в процесс запоздало, бездарно и без ощутимых реальных последствий.

Низость поставленных задач и невысокий приоритет Эстонии в общих внешнеполитических делах показывает и опубликованная статистика решений политбюро. В 1929–1934 гг. Политбюро приняло 85 решений, касающихся Польши, 27 — Латвии, 19 — Литвы и 18 — Эстонии. В период с января 1933. г. по апрель 1934 г. когда в Эстонии проходили решающие внутривнутриполитические схватки, доля Эстонии в статистике не повышалась: Польша — 23, Латвия — 9, Литва — 6 и Эстония — 4 упоминания⁵⁶. Отсюда следует вывод о том, что вмешательство Москвы во внутренние дела Эстонии в 1933–1934 гг. не имели беспрецедентного размаха, и внутривнутриполитическая борьба в Эстонии не представлялась Советскому Союзу первостепенным вопросом, даже не в масштабе Восточной Европы.

Наконец, остановимся на том, могла ли Москва представлять серьезную опасность для Эстонии, если бы Пятс и Лайдонер не захватили власть и в ходе законных выборов к власти пришли бы ветераны? Для ответа снова обратимся к докладу Устинова У/3 от 28 марта. Он пишет: «Обращает на себя внимания та внешняя политическая заостренность, которой придана была ликвидация ветеранов, — это нашло отражение не только в печати, но и в выступлении Пятса 15/III в парламенте, особенно же в обращении Лайдонера к армии (см. резюме нашей печати № 65, 17/III): “новое движение — (ветераны) сказано в его воззвании — вызвало серьезные заботы и в дружественных нам государствах, где стали раздаваться предостерегающие голоса”. На мой вопрос — “Какие государства имел ввиду ген. Лайдонер?” — Сельямаа не смог мне ничего ответить. Это может быть в устах Лайдонера

Англия, могут быть — Латвия и Финляндия, которым угрожало усиление германофильского фашизма в Эстонии, могла быть и Швеция, печать всех этих стран с большим удовлетворением реагировала на разгром ветеранов в Эстонии⁵⁷. Итак, Устинову виделось возможное вмешательство в СССР настолько нереальным, что он вообще не помянул Советский Союз в числе обеспокоенных «дружественных нам государств».

Таким образом, видно, что в действительности нет никаких оснований для так называемого внешнеполитического аргумента, с которым выступили Пятс и Лайдонер сразу после 12 марта. Следует признать правоту Рейна Маранди, который утверждает, что в случае прихода к власти Эстонского союза участников Освободительной войны от СССР можно было бы ждать более острой реакции, то есть могли последовать дипломатические предупреждения и другие акции дефензивно-демонстративного характера, но не более того⁵⁸. Нет оснований считать, что Москва прямо или косвенно поддерживала или инспирировала государственный переворот своей деятельностью.

Другое дело — общий политический климат в широком смысле, который в некоторой степени дестабилизировался деятельностью Москвы. Вопрос даже не в поддержке эстонских коммунистов: похоже, что Москва была в то время в этом направлении относительно пассивна, тем более что в начале 1930-х гг. коммунисты во внутренней политике Эстонии имели малый вес. Незначительно влияние и прессы СССР, в которой писалось, что фашизация государств Балтии организуется извне, что их рассматривают как плацдарм в случае войны с СССР, что вапсы действуют в союзе с прибалтийскими немцами и планируют государственный переворот, нити «эстонских фашистов» ведут в Берлин, который их финансирует и осуществляет руководство и т. п.⁵⁹ Эти статьи хоть и реферировались в эстонской печати, но скорее в качестве курьеза.

Гораздо сильнее было влияние Москвы в Эстонии через социалистов, с которыми у советского полпредства были более-менее тесные связи. Например, в упомянутом социалистическом издании “Rahva Sõna” в номере за 17 июня, появилась длинная статья о планах прибалтийских «баронов» в Эстонии. Выяснилось, что статья была составлена в советском посольстве: редактор Эрих Ионас попросил об этом 1-го секретаря посольства И. Клявина после того, как последний заявил, что у него есть данные по этому поводу⁶⁰. Хотя в общем сотрудники полпредства в беседах с эстонскими социалистами были солидарны в борьбе «против фашизма», но скорее поддерживали их морально, сохраняя дистанцию. Знакомство с советскими дипломатическими документами данного периода оставляет впечатление, что сотрудничество с социалистами велось скорее по инициативе последних, они стремились воспользоваться поддержкой СССР в своих интересах, но не с подачи Москвы.

Для Советского Союза внутривнутриполитическая борьба в Эстонии не являлась вопросом первостепенной важности. Пассивные попытки полпредства и НКВД помочь Пятсу в законных выборах были безрезультатными либо из-за недостатка средств, либо из-за неловкости

в их осуществлении. Государственный переворот в Эстонии 1934 г. не инспирировался и не поддерживался Москвой: НКВД не ведал о планах Пятса и Лайдонера организовать путч, и он не был согласован сторонами. Москва несколько дестабилизировала внутривнутриполитическую обстановку в Эстонии за счет поддержки социалистов, но эта помощь носила скорее лишь моральный характер и, конечно, не являлась сколько-нибудь решающим фактором в процессе утраты демократии в Эстонии.

---

¹ Работа выполнена в рамках проекта Эстонского научного фонда, грант № 6079 и государственного целевого проекта министерства просвещения и науки Эстонской Республики № SF0130018s11. Автор благодарит Татьяну Шор, Юрия Власова и Александра Рупасова.

² *Ast K. Demokraatliku Eesti loojakul // Vaba Eesti*. 1955. N 11. Vaba Eesti tähistel. Valimik tsensuurivaba Eesti mõttelugu aastaist 1948–64. Tallinn, 2000. Lk. 37–39.

³ *Marandi R. Must-valge lipu all. Vabadussõjalaste liikumine Eestis 1929–1937*. I. Stockholm, 1991. Lk. 378–380.

⁴ Там же. Lk. 393.

⁵ Приказы исходили от главы правительства К. Пятса. Точный путь прохождения приказов не установлен.

⁶ *Riigi Teataja* (Государственный вестник). 1933. № 22. С. 377. — Эти распоряжения, содержащие соответствующие решение, были подписаны К. Пятсом и министром судов и внутренних дел Иоганном Мюллером.

⁷ *Marandi R. Must-valge lipu all*. I. Lk. 421–426.

⁸ Стенограмма заседания от 15. 03. 1933 // *Riigikogu V koosseis III ja IV istungjärk: täielikud protokollid ja stenograafilised aruanded*. Tallinn, 1934. Lk. 1438.

⁹ *Riigi Teataja*. 1934. N 25. Lk. 418; *Riigi Teataja*. 1933. N 86. С. 992, 994.

¹⁰ *Marandi R. Must-valge lipu all*. I. Lk. 441.

¹¹ *Valge J. Konstantin Päts's Relations with the Tallinn Soviet Embassy and Trade Representation in the Late 1920s and Early 1930s // Tuna. Special Issue on the History of Estonia*. 2009. Lk. 189.

¹² *Marandi R. Must-valge lipu all*. I. Lk. 440–446.

¹³ *Кен О. Н., Рупасов А. И.* Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920–1930-х гг.): Проблемы, документы, опыт комментарии. Ч. I. Декабрь 1928 – июнь 1934 г. СПб., 2000; *Кен О. Н., Рупасов А. И.* Москва и страны Балтии: Опыт взаимоотношений, 1917–1939 гг. // *Страны Балтии и Россия: общества и государства*. М., 2002.

¹⁴ *Кен О. Н., Рупасов А. И.* Москва и страны Балтии. С. 237–240; 246; 251–252.

¹⁵ *Butkus Z. N. Liidu intriigid Balti riikides (1920–1940) // Akadeemia*. 1999. N 11–12. Расширенный вариант статьи см.: *Butkus, Zenonas. SSSR intrigos Baltijos salyse (1920–1940) // Darbai ir dienos. Acta et commentationes Universitatis Vytauti Magni*. N 7 (16). Kaunas, 1998.

¹⁶ *Butkus Z. N. Liidu intriigid Balti riikides (1920–1940)*. P. 2526–2529, 2539.

¹⁷ *Ilmjärv M.* 1) *Silent Submission. Formation of Foreign Policy of Estonia, Latvia and Lithuania*. Stockholm, 2004. С. 93, 9–101); 2) *Hääletu alistumine*. Tallinn, 2004. Lk. 143; 148–149; 151–153.

¹⁸ *Ilmjärv M. Hääletu alistumine*. Tallinn, 2010. Lk. 158–167.

¹⁹ В филиале Государственного архива Эстонии (*Eesti Riigiarhiivi filiaal / ERA(F)*, далее — ФГАЭ) находятся документы советской внешней разведки 1930-х гг. (фонд 138 SM), которые перешли в ведение Эстонской

республики после ликвидации КГБ ЭССР. Во второй половине 1950-х гг. эти документы были переданы в Эстонию для использования в оперативных разработках местного КГБ ЭССР.

²⁰ Б. Стомоняков первому секретарю Таллиннского советского полпредства А. Антипову от 15.10.1933 // Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 0154–26–37–2. Л. 54–55.

²¹ Инструкции Г. Бежанова в Таллинн // АВП РФ. Ф. 0154–26–37–2. Л. 58. — Основываясь на этом документе, Ильмъярв утверждает, что в НКВД было решено не ослаблять контактов с просоветски настроенными партиями и лицами, и чтобы до конца понять обстановку, следовало вступить в контакт с Пятсом (*Ilmjärv M. Silent Submission*. Lk. 94). На самом деле Бежанов просто называет имя Пятса в ряду других лиц, из чьих рук было бы «интересно получить информацию».

²² Б. Стомоняков А. Антипову от 10.11.1933 // АВП РФ. Ф. 0154–26–37–2. Л. 59–60); Б. Стомоняков А. Антипову от 28.11.1933 // Там же. Л. 66.

²³ Инструкция Г. Бежанова в Таллинн 5.01.1934 // Там же. Ф. 0154–26–38–2. Л. 1.

²⁴ А. Антипов Б. Стомонякову от 9.01.1934 // Там же. Ф. 0154–27–38–3. Л. 11.

²⁵ Б. Стомоняков А. Антипову от 25.01.1934 // Там же. Ф. 0154–27–38–2–1. Л. 13.

²⁶ А. Антипов Б. Стомонякову от 29.01.1934 // Там же. Ф. 0154–27–38–3. Л. 3–4.

²⁷ А. Устинов Б. Стомонякову от 20.02.1934 // Там же. Л. 13.

²⁸ Инструкция Г. Бежанова в Таллинн от 15.02.1934 // Там же. Ф. 0154–27–38–2. Л. 15; А. Антипов Б. Стомонякову от 29.01.1934 // Там же. Ф. 0154–27–38–3. Л. 2.

²⁹ А. Антипов Б. Стомонякову от 29.01.1934 // Там же. Л. 1–2.

³⁰ Инструкция Г. Бежанова в Таллинн от 15.02.1934 // Там же. Ф. 0154–27–38–2. Л. 15.

³¹ Б. Стомоняков А. Устинову от 16.02.1934 // Там же. Л. 15.

³² *Кен О. Н., Рупасов А. И.* Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами. С. 414–418.

³³ Б. Стомоняков А. Устинову от 25.03.1934 // АВП РФ. Ф. 0154–27–38–2. Л. 34; Б. Стомоняков А. Устинову от 15.06.1934 // Там же. Л. 64.

³⁴ Б. Стомоняков А. Антипову от 25.01.1934 // Там же. Ф. 0154–27–38–2–1. Л. 13.

³⁵ Там же.

³⁶ *Päts K.* Tema elu ja töö. Kaasaeglaste mälestusi. Tallinn, 1934. Lk. 436–440.

³⁷ Б. Стомоняков А. Антипову от 25.01.1934 // АВП РФ. Ф. 0154–27–38–2. Л. 13.

³⁸ *Кен О. Н., Рупасов А. И.* Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами. С. 414–418; 425–426. Ильмъярв пишет: «На просьбу Пятса о помощи Советский Союз отреагировал положительно. <...> Дополнительный заказ был согласован с Наркоматом иностранных дел и окончательно одобрен на Политбюро». (*Ilmjärv M. Silent Submission*. Lk. 98). Далее текст оставляет впечатление, что постановление Политбюро о закупках в Эстонии на 200 тыс. руб. от 5 февраля было направлено на поддержку Пятса. На самом деле это постановление уточняло постановление Политбюро от 17 января, в котором фиксировались конкретные товары закупок в Эстонии. Первое постановление, где среди прочего была определена сумма в 200 тыс. руб., вовсе не предусматривало поддержку Пятса, а преследовало цели активизации политики СССР в странах Балтии. На Политбюро 5 февраля эта сумма на закупки не увеличилась, а осталась той же самой.

³⁹ XXX. Kaubavahetus Nõukogude Venemaaga tuleks rajada kindlamale alusele // *Kaja*. 1934. N 40. 16. veebr. Lk. 4.

⁴⁰ А. Устинов Б. Стомонякову от 20.02.1934 // АВП РФ. Ф. 0154–27–38–3. Л. 13.

⁴¹ А. Устинов Б. Стомонякову от 8.03.1934 // Там же. Л. 28.

⁴² *Esimene kartulirong Venesse* // *Kaja*. 1934. N 65. 17. 03.

- ⁴³ Цифры взяты из статистического издания Эстонии за 1934 год: Eesti Statistika Kuukiri. 1934. N 148 (3). Lk. 159; N 149 (4). Lk. 213; N 150 (5). Lk. 263.
- ⁴⁴ Valitsuse sammud väljaveo edendamiseks // Kaja. 1934. N 36. 11. 02.
- ⁴⁵ А. Устинов Б. Стомонякову от 20.02.1934 // АВП РФ. Ф. 0154–27–38–3. Л. 13.
- ⁴⁶ А. Устинов Б. Стомонякову от 7.03.1934 // Там же. Л. 21.
- ⁴⁷ А. Антипов Б. Стомонякову от 8.03.1934 // Там же. Л. 24–25.
- ⁴⁸ Там же. Л. 29–30.
- ⁴⁹ Инструкции Е. Коница Таллинну 25.03.1934 // Там же. Ф. 0154–27–38–2. Л. 29; Б. Стомоняков А. Устинову от 25.03.1934 // Там же. Л. 34.
- ⁵⁰ А. Устинов Б. Стомонякову от 28.03.1934 // Там же. Ф. 05–14–102–109. Л. 21–22.
- ⁵¹ Донесение советской внешней разведки из Эстонии. 13.03.1934 // ФГАЭ. Ф. 138 SM. Оп. 1. Д. 54. Л. 121–122.
- ⁵² Донесение внешней разведки из Эстонии. 13.03.1934 // ФГАЭ. Ф. 138 SM. Оп. 1. Д. 54. Л. 125. — В действительности арестованных было больше в несколько раз.
- ⁵³ *Ilmjärv M.* 1) Silent Submissions. Lk. 100; 2) Hääletu alistumine. 2004. Lk. 153.
- ⁵⁴ Приведем дословную цитату из работы Кена и Рупасова: «К давно ожидавшемуся государственному перевороту в Эстонии, осуществленному Пятсом 12 марта 1934 г., в советских кругах относились едва ли не с сочувствием (тем более что Пятс заранее прозондировал отношении Москвы к такому развитию событий)». (*Кен О. Н., Рупасов А. И.* Москва и страны Балтии. С. 240).
- ⁵⁵ *Ilmjärv M.* Hääletu alistumine. 2010. Lk. 167.
- ⁵⁶ *Кен О. Н., Рупасов А. И.* Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами. С. 624–630.
- ⁵⁷ А. Устинов Б. Стомонякову от 28.03.1934 // АВП РФ. Ф. 05–14–102–109. Л. 24.
- ⁵⁸ *Marandi R.* Must-valge lipu all. I. Lk. 440–446.
- ⁵⁹ Рост фашистской опасности в Прибалтике // Известия. 1933. № 250. 10 октября; Происки фашистов в Эстонии // Известия. 1933. № 253. 15 октября; Фашистский плацдарм в Прибалтике // Там же; Фашизация в Эстонии // Известия. 1933. № 256. 18 октября; Деятельность эстонских агентов германского фашизма // Там же; По стопам эстонских фашистов // Правда. 1933. № 291. 21 октября; Борьба в лагере эстонских фашистов // Правда. 1933. № 326. 21 ноября; Эстонские «ветераны» на службе германского фашизма (письмо из Эстонии) // Правда. 1933. № 432. 7 декабря.
- ⁶⁰ Дневник И. И. Клявина. 12. 06. 1933 // АВП РФ. Ф. 0154–26–37–5. Л. 126.

Valge J. Was the Estonian Coup d'état of 1934 promoted by Moscow?

ABSTRACT: The article examines if Moscow supported the 1934 coup d'état and Konstantin Päts. Would the Soviet Union have been a threat if the coup d'état had not taken place, and the veterans of the War of Independence had come to power? Examining these issues will also assist in defining to a large extent the nature of the subsequent authoritarian regime and the framework of possible activities, i. e. did the Soviet Union manage, already in 1934, to create a friendly regime that eventually submitted without protest. In answering these questions, the main source has been materials from the Foreign Policy Archives of the Russian Federation, with documents of Estonian institutions held in Estonian archives also being used, as well as Soviet foreign espionage documents.

KEYWORDS: coup d'état in Estonia in 1934, Konstantin Päts, Johan Laidoner, support of Moscow, veterans of the War of Independence.

AUTHOR: Ph. D. in Philosophy, Associate Professor, Tartu University (Tartu, Estonia); jaakvalge@me.com

REFERENCES:

- ¹ Ast K. Demokraatliku Eesti loojakul // Vaba Eesti. 1955. N 11. Vaba Eesti tähistel. Valimik tsensuurivaba Eesti mõttelugu aastaist 1948–64. Tallinn, 2000.
- ² Marandi R. Must-valge lipu all. Vabadussõjalaste liikumine Eestis 1929–1937. I. Stockholm, 1991.
- ³ Riigi Teataja. 1933. N 22.
- ⁴ Riigi Teataja. 1933. N 86.
- ⁵ Riigi Teataja. 1934. N 25.
- ⁶ Riigikogu V koosseis III ja IV istungjärg: täielikud protokollid ja stenograafilised aruanded. Tallinn, 1934.
- ⁷ Valge J. Konstantin Päts»s Relations with the Tallinn Soviet Embassy and Trade Representation in the Late 1920s and Early 1930s // Tuna. Special Issue on the History of Estonia. 2009.
- ⁸ Ken O. N., Rupasov A. I. Politbiuro TCK VKP(b) i otnosheniia SSSR s zapadnymi sosednimi gosudarstvami (konets 1920–1930-kh gg.): Problemy, dokumenty, opyt kommentarii. Ch. I. Dekabr 1928 – iyun 1934 g. St. Petersburg, 2000.
- ⁹ Ken O. N., Rupasov A. I. Moskva i strany Baltii: Opyt vzaimootnoshenii, 1917–1939 gg. // Strany Baltii i Rossiia: obshchestva i gosudarstva. Moscow, 2002.
- ¹⁰ Butkus Z. N. Liidu intriigid Balti riikides (1920–1940) // Akadeemia. 1999. N 11–12.
- ¹¹ Butkus, Zenonas. SSSR intrigos Baltijos salyse (1920–1940) // Darbai ir dienos. Acta et commentationes Universitatis Vytauti Magni. N 7 (16). Kaunas, 1998.
- ¹² Ilmjärv M. Silent Submission. Formation of Foreign Policy of Estonia, Latvia and Lithuania. Stockholm, 2004.
- ¹³ Ilmjärv M. Hääletu alistumine. Tallinn, 2004.
- ¹⁴ Eesti Riigiarhiivi filiaal.
- ¹⁵ Russian Federation Foreign Policy Archive.
- ¹⁶ Päts K. Tema elu ja töö. Kaasaeglaste mälestusi. Tallinn, 1934.
- ¹⁷ XXX. Kaubavahetus Nõukogude Venemaaga tuleks rajada kindlamale alusele // Kaja. 1934. N 40. 16. veebr.
- ¹⁸ Eesti Statistika Kuukiri. 1934. N 148 (3), N 149 (4), N 150 (5).
- ¹⁹ Valitsuse sammud väljaveo edendamiseks // Kaja. 11. 02. 1934. N 36.
- ²⁰ Izvestiia. 1933. N 250. 10 October.
- ²¹ Izvestiia. 1933. N 253. 15 October.
- ²² Izvestiia. 1933. N 256. 18 October.
- ²³ Izvestiia. 1933. N 261. 21 October.
- ²⁴ Izvestiia. 1933. N 326. 21 November.
- ²⁵ Izvestiia. 1933. N 432. 7 December.